

Евгения Хамуляк

Минута Кары

16+

Евгения Ивановна Хамуляк

Минута Кары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63636261

SelfPub; 2021

Аннотация

Чтоб стать героем, нужно совершить подвиг. Но эпоха героев, подвигов и справедливости, казалось, ушла в вечность вместе со сказками и мифами. Тогда что может ожидать от этой жизни обычная отличница без связей, денег и надежд – стать еще одной серой пешкой в большой невидимой игре с непонятными целями, правилами и концом? Ведь чтобы перебороть судьбу, превратиться из пешки в принцессу, должно произойти настоящее чудо. А чудес не бывает – пишут и доказывают учебники физики и химии, истории и естествознания. Но это неправда – убеждается Кара, когда однажды чудеса и магия врываются в ее жизнь. Она узнает, что, помимо людей, на планете живут и нелюди, взявшие в плен человечество, где настоящую историю всегда творили волшебники, которых заставили думать, что они обычные, никому не нужные отличники. Так пора проснуться, пустить магию в свои сердца и наконец навести справедливость на своей собственной земле.

Евгения Хамуляк

Минута Кары

ГЛАВА 1. ДЕПРЕССИЯ

Кара лежала в своей кровати вот уже четвертую неделю без движения. Она не заболела, хотя за окном осень гоняла листья раньше положенного срока, будто бы был не сентябрь, а уже ноябрь, стояла ужасная холодыга и сквозил прескверный ветер, продувающий до самых костей, что легко было простудиться. Погода в точности отображала настроение хорошистки, слегшей от хандры в постель почти сразу же после выпускного вечера. Вообще-то Кара могла бы оказаться и отличницей, если бы в начале года пошла на поводу у капризов физручки и стала бы льстить и всячески подхалимствовать той, как это вынужденно делали другие девчата, у кого решался вопрос с золотой или серебряной медалью.

То, что учительница превышала свои полномочия и намеренно занижала оценки неугодным ученикам, чьи судьбы зависели от никому не нужного предмета, знали все. Но в школе творился хаос: смена директора школы прямо посередине учебного года – отставка советского строя с его порядками и переход на новый демократический, пока не устоявшийся, разбили весь миропорядок. Грамотные педагоги-старожилы с ожесточением увольнялись, на их место приходили новые,

амбициозные, не желавшие за ту же зарплату брать на себя еще и социальную нагрузку. Из-за этого отменялись все праздники, и даже выпускной стоял под вопросом, если бы Кара неожиданно для всех и самой себя не решила написать сценарий и проводить репетиции под свою ответственность. Никто не возражал против такого рвения и особо не контролировал происходящее после уроков. Честно сказать, всем было не до выпускников этого злополучного класса, попавшего в самый тяжелый для жизни школы и страны год. Зато получился лучший «последний звонок» и выпускной за всю историю существования образовательного учреждения. Это отметили все присутствующие: учителя, дети и их родители, и потом не раз использовали сценарий и приемчики предприимчивой девчонки в постановке представлений и праздников.

Поэтому педагогическому руководству, и так намучившемуся от отставки директора, смены команды, срезания доплат, конфликтов в учительской среде, от отсутствия воспитания и понимания у учеников, будто взбесившихся под конец года, было не до самодурства отдельного педагога, пожелавшего испортить аттестаты упертым отличницам, решившим поступать на «крутые» во времена растущего капитализма экономические и юридические факультеты, и опустить их до земных педагогических направлений, чтобы, как она, прозябали свой век в «историчках», «физручках»

и «математичках». К слову сказать, в это современное передовое перестроечное время профессия учителя не пользовалась почетом: молодежь, будто сорвавшись со всех катушек, решила проверить и перепробовать все «нельзя», экспериментируя с телом и с душой, про которые так много писали классики. Поэтому уроки проходили не в совместном поиске высокого, а в недопонимании, неповиновении, а иногда и в противостоянии.

Хотя лично Каре было все равно на «крутые» профессии, ведь она собиралась поступать на скромный, непопулярный историко-археологический и в будущем стать археологом, но все равно тоже попала в опалу к физручке, и в ее аттестате значилась единственная тройка по физкультуре, которая лишила девочку медали и отличного аттестата. Все бы ничего, но новые демократические правила, принятые недавно, вдруг заголосили о повышении квалификации всех профессий, и теперь стюардессы, товароведы и секретари страны обязаны были заиметь высшее образование, если хотели сохранить работу. Начался такой ажиотаж, что на одно место стали претендовать несколько человек. И совсем недавно на никому не нужный исторический факультет выстроилась настоящая очередь. Это не считая вдруг из неоткуда возникшей моды приплачивать или давать взятки за поступление, обозначились даже тарифы и расценки по факультетам – какие-то заоблачные суммы за гарантированное теплое местечко. А значит, шансы Кары равнялись даже не ну-

лю, а минус шестнадцать персонам на одну студенческую скамью, а может быть, дела обстояли еще хуже, ведь денег на всякие взятки и подачки у нее и ее семьи в этот трудный период, который переживала разваливающаяся страна, не было совсем.

А ведь это являлось голубой мечтой девушки – познать отечественную и мировую историю планеты, чтобы, будучи историком-археологом, найти то, что сама потеряла за последний год, как только обозначилось совсем не светлое будущее со всеми капканами и ловушками взрослой жизни.

И какое же будущее ждало хорошистку?

А то самое, что ожидало и остальных одноклассников, у которых не было отличных аттестатов, золотых и серебряных медалей, высокопоставленных мам и пап, «блатных связей», а также баснословных денег на взятки, – пойти работать продавцом или разнорабочим на полуобанкротившиеся фабрики, где задерживали зарплату вот уже какой месяц. Поэтому люксовым вариантом считалось устроиться продавщицей в мясной или сыромолочный отдел магазина, худшим – на морозный и продуваемый всеми ветрами рынок торговать химией или одеждой.

И вот Кара лежала в своей кровати, в тысячный раз плясь на дипломы и награды, благодарности и медали, развешанные по гвоздикам на стенах со старыми обоями, и спрашивала себя: Зачем? Зачем все это было нужно, если нет ника-

кого смысла теперь? Зачем было стараться, преодолевать себя, расти, хорошо питаться, следить за здоровьем, не болеть, пить таблетки, ходить к врачам и выздоравливать, совершенствоваться, учить стихи и математику, бояться перед экзаменами, быть опрятной и расчесывать волосы, копить деньги на красивое платье для выпускного? Все зря? Зачем было стараться? Зачем вообще жить, если перед глазами маячило серое никчемное бытование в этом темном, самом неблагоприятном районе прибрежного российского городка, где разрослись, словно опухоль, все известные пороки человечества, будто готовясь к апокалипсису. И такой девушке, как Кара, было особенно трудно сохранить себя и свое хоть какое-то ясное доброе видение будущего, когда порой становилось опасным просто выходить на улицу...

Да, ее вопросы к жизни совпадали с вопросами исторического факультета ко всему прошлому и настоящему человеческого существования, и там она надеялась их отыскать, но ее документы даже не стали рассматривать по причине укомплектованности медалистов на каждое место курса. И в тот день, вернувшись в свою серую комнатку на первом этаже старой хрущевки, где она жила с родителями, Кара, не раздеваясь, легла на кровать и почти больше не вставала, лишь для справления нужды и перекусить, когда совсем становилось голодно. В голове без остановки закрутились мрачные вопросы о смысле жизни: своей и ее малень-

кого городка, утопающего в распрях, грязи и нищете. И чем больше Кара наблюдала эту круговерть вокруг себя, тем все меньше и меньше понимала происходящее, а ее душа или то, что невыносимо болело в тот момент, поминутно отчаивалось найти хоть какое-то разумное объяснение. А Кара знала, что оно есть! Ведь планета не перестает крутиться, люди не перестают мечтать, не перестают влюбляться и удивляться, а значит, стоит ей только найти ответ – и она снова задышит, снова обрадуется, снова станет той боевой умной девочкой, сумевшей увлечь весь класс своими идеями! Вернется вера в полезность своего существования во благо чего-то высокого и светлого, общего и нужного, стать пусть маленькой, но яркой звездочкой на бескрайнем космическом небосклоне.

Но каждый день приносил только разочарования...

Узнав, что дочка не поступила, мама Кары, вместо того чтобы посочувствовать, очень сильно разозлилась, особенно после внушений отчима о бесполезности падчерицы по домашнему хозяйству, неспособности определить свою судьбу самостоятельно и о тяжелом грузе, повисшем на и без того скромном бюджете семьи, в лице одной работающей мамы, «временно» неработающего отчима и двух несовершеннолетних сводных сестер, которые, конечно же, не собирались оплачивать отпуск неудачницы из своего кармана. Молчком, не разговаривая с дочерью в наказание, мама заторопилась устроить ее в один из отделов недавно открывшегося супер-

маркета, огромного магазина, где по новой моде продавалось все на свете. За местечко пришлось побороться, поэтому целых четыре недели шли собеседования о трудоустройстве «по знакомству».

Все эти громкие и обидные обсуждения, наговоры и хлопоты происходили непосредственно перед дверью спальни Кары видимо, для того, чтобы держать ее в курсе событий, но при этом оставлять наказанной в молчаливом изгнании.

И она понимала, что нужно и придется что-то делать, но не находила в себе ни душевных, ни физических сил, чтобы встать и поговорить с родными, объяснить произошедшее, оправдаться. Она просто выжидала, когда все произойдет само собой: магазин – так магазин, мясо – так мясо, сыр – так сыр...

За дверью стало совсем тихо, это являлось сигналом, что отчим наконец ушел по своим делам, скорее всего, в поисках новой работы. Стало быть, на короткий срок можно выйти из своего убежища /или тюрьмы/, сходить в туалет, не выслушивая неодобрительные причитания, а порой и оскорбления по дороге, спокойно что-то поклевать из холодильника и просто даже пошататься по квартире, размять тело, которое давно уже перестало что-то чувствовать, окончательно ослабело, появились головные и желудочные боли...

Кара оторвала кусок батона и батона и, запивая простой водой, пережевывала его, сидя на табуретке в кухне, раз-

глядывая унылую картину за окном, когда услышала звонок в дверь... По телу пробежала неприятная волна. Скорее всего, вернулся кто-то из домашних... Но почему не открывают дверь своим ключом? Значит, это чужие, но знакомые, например, из класса или школы... Тогда лучше вовсе не открывать, ведь совсем не хотелось никого видеть и тем более разговаривать... особенно про будущее.

ГЛАВА 2. УЖАС НАЧИНАЕТСЯ

Кара медленно направилась к двери, уже решая на ходу не открывать ни в коем случае, и, присмотревшись в глазок, увидела две неясные незнакомые фигуры.

Не зная, почему поменяла решение, Кара принялась открывать, хотя ничего доброго эта встреча не предвещала. Наверное, от долгого лежания мозги размякли и помутнел рассудок... Одним словом, в пижаме и розовых пушистых тапочках, которые ей подарили родные на Новый год, вялая и сонная, девушка открыла дверь и сразу же пожалела об этом...

На пороге стояли две престранные фигуры, одетые в черное, одна из которых тут же шустро юркнула в комнату, что Кара даже растерялась от такого нахальства, а вторая так же ловко схватила руку девушки и предложила погадать, рассказать всю правду о прошлом и будущем.

Кара наконец взяла себя в руки, точнее в одну руку, так как вторая находилась в капкане прилипчивой гадалки, занятой разглядыванием и разгадыванием линий жизни,

и громко крикнула в зал:

– Вы совсем с ума сошли? Что вам надо?!

– Ой, ой, дорогая, что я вижу у тебя, какой рисунок! Какие звезды! Любая принцесса позавидовала бы такой судьбе! – залепетала гадалка, неприятно улыбаясь фиолетовыми губами и обнажая желтые прокуренные зубы.

– Да вы что творите?! – обалдела Кара от такой наглости, приходя в себя и сердито отдергивая руку. – Влетели сюда змеями и думаете, за это ничего не будет? Да я сейчас милицию вызову!

Хорошистка часто заморгала ресницами, а глаза стали наливаться жгучей злостью, которая предвещала вылиться в драку с наказанием поганок прежде, чем приедет наряд милиции.

– Эй, тварь, а ну оставь шкатулку! Я к тебе обращаюсь, змея! – крикнула девушка, отталкивая гадалку в сторону, у которой вдруг поменялось выражение лица с ухмыляющегося на ошалелое.

И Кара ринулась за второй женщиной, деловито шурувавшей в серванте, хотя там и не хранилось ничего ценного... Но кто их знает, этих воровок и их пристрастия!

И уже хотела наброситься на хулиганку сзади и поддать ей хорошего пинка или оцарапать лицо, как вдруг! Цыганка сама резко развернулась и зашипела на Кару змеиной рожей...

От слабости и какой-то дремоты этих недель девушка

не сразу отреагировала, просто замерла, наблюдая самую ужасную картину в своей жизни, как обычная реальность, скучная и такая еще недавно ненавистная, грубо, кусками разваливалась, утыкаясь взором в невероятных размеров монстра, одетого в черные лохмотья еще недавней воровки... Кара стала пятиться назад, натолкнулась на вторую поделницу, которая опять вцепилась в руку девушки, с особым пристрастием выискивая на ладони какие-то знаки... И, подняв голову, покрывающуюся змеиной чешуей прямо на глазах, спросила, а точнее прошипела, выволакивая длинный раздвоенный красный язык сквозь те же прокуренные желтые зубы, удлиняющиеся в клыках:

– Сколько тебе лет?

Наконец, картинка реальности достигла разума Кары, и тот вскипятился от кошмара, творимого вокруг, и, каким-то невероятным способом оставаясь на плаву сознания, приказал телу вырваться из омута, в который угодил... И девушка истошно завизжала, выдергивая руку из зеленой холодной лапы чудовища, выбежала из дома куда глаза глядят прямо в пижаме и тапочках... Забывая про все на свете... И уже не видела, как вдруг ссохшимися, прохладными, извивающимися телами две черные змеи, шипя от ужаса, падают на пол, на кучу одежды, в которой еще недавно ютились в телах двух прохиндеек, и застывают замертво, ожидая участи быть найденными и, скорее всего, растерзанными...

Кара потеряла всякое самообладание, продолжая бежать в одной лишь пижаме, шлепая розовыми пушистыми тапочками по лужам, затвердевающим в лед прямо под ее ногами. Каре казалось, что на улице уже не осень, а лютая зима, и погода, будто подслушав ее мысли, запылила из неоткуда взявшимися метелями, которые морозными бурями заметали машины, на ходу проламывая стекла и крыши, встречающихся людей сбивала с ног нежными вихрями, разнося их от центра своего притяжения, отчаянно бегущей девчонки, на сотни метров в стороны, замораживала деревья и дороги ледяным дождем...

Завидев это, Кара еще больше удостоверилась, что вокруг творится нечто зловещее...

– Ужасно!!! – закричала она вновь, и две автомашины, слетевшие с ледяной дороги, будто притянутые магнитом, тут же врезались друг в друга прямо перед взором обезумевшей хорошистки...

– А-а-а... – продолжала мучительно выть несчастная, хватаясь за голову... и опять, словно по злему року, электрический столб, стоявший неподалеку, неожиданно ожив, вырвался из земли с электрическими корнями, сверкающими бегущими зарницами тока, и со всего размаху, словно играя в пинг-понг, разбил две скомканные железяки, еще недавно бывшие автомобилями, в разные стороны... Водители, чудом выбравшиеся из своих машин за мгновение до трагедии, не обращая внимания на травмы и порезы, разбежались кто

куда с дикими воплями... Похоже, и им впервые привиделись такие безобразия, которые можно увидеть лишь в фильмах ужаса...

– Что происходит?! – взмолилась Кара, поднимая заплаканное лицо к небу, затянутому черными, закручивающимися в тугие смерчи тучами, из которых уже сверкали белые вспышки молний, готовые разразиться испепеляющим водопадом.

Но ответа не последовало, и Кара заплакала еще безудержнее, теперь боясь пошевелиться или тронуться с места, ведь вокруг разворачивался настоящий ад: взрывались газовые и водопроводные трубы, вырванные подоспевшими из преисподней смерчами, улюлюкающими брэнчанием подобранных по замерзшей по дороге предметов; взмывали вверх крыши остановок и мусорные баки; электрические столбы, объединившись в команды, продолжали играть в футбол всем этим барахлом; с одной стороны шел ливень, с другой – мела сухая метель, замораживая брызги в колючие сосульки, падающие со свистом на землю у ног невредимой девушки, панически закрывшей лицо руками, из-под которых стал пробиваться яркий свет, будто внутри нее зажглась яркая лампа.

А Кара все повторяла и повторяла свою мантру, от которой этот кошмар лишь разрастался, охватывая все большее пространство города... Но она этого не замечала, светясь все ярче...

ГЛАВА 3. ШУХЕР И ГЕНА

Когда только этот кошмар начался, то есть Шухера замела метель и за минуту стояния у окошка чебуречной он чуть не получил обморожение ушей и выдающегося вперед внушительного конопатого носа, парень сразу же сообразил, что где-то прорвалось зеркало.

Все-таки не дурак шеф, что приказал патрулировать самый неблагоприятный район, о котором гуляли нелюбезные анекдотики, что если бы сюда прилетел дракон, пожирающий благородных девиц, то умер бы с голоду. А зеркала, как известно, потомки благородных кровей... царских, говорят... Хотя парень и не понимал, при чем здесь Иван Грозный, скажем, или Николай II, которого прозвали «кровавый», – вспомнил Шухер свои изыскания из учебника 9 класса, который как-то случайно попался ему в руки.

Неожиданно Шухер застыл, только что обнаружив несостыковочку между командой шефа и анекдотом про драконов.

– Если нормальных девок тут нет, то какого щавеля мы тут рыскаем? – недоуменно спросил Шухер своего компаньона Гену, быстро нырнув в черный пассат с замороженными и покрытыми коркой льда чебуреками и горящими от холода ушами и носом.

– А это ты видал? – протянул Гена, указывая на столб замороженной воды, метель, взрывы газа и танцующие смерчи в трехстах метрах от них, метров через триста, а посреди

тонкую фигурку в розовой пижаме, кричащую от ужаса.

– А я еще думал, откуда метель... – пролепетал Шухер, роняя льдышки пирожков и хватаясь за странную штуковину, похожую на измеритель скорости у гаишников, которая лежала неподалеку. Направив ее в сторону безобразия, он нажал на кнопку и тут же вскрикнул, завидев, как все пять измерений на приборе запылали красным, что впервые происходило на памяти Шухера.

– Звони шефу, – буркнул Гена.

– Так он же нас расплавит к чертям... – обомлел парень.

– По спецлинии звони! Ситуация аховая, идиот!

Шухер знал про спецсвязь, но за все двадцать девять лет своей жизни никогда не пользовался ею, так как между его персоной и персоной шефа стояли еще пятеро серьезных братков, и, если не вести корректную субординацию и не понимать разницы, можно было лишиться не только теплого местечка в патруле, вседозволяющей корочки, открывающей любые двери по всей черноморской провинции, но и головы.

Шухер быстро достал из багажника огромный спутниковый телефон, который пылился там неизвестно сколько лет, и нажал на одну-единственную кнопку, соединяющую, видимо, с единственной кнопкой такого же аппарата /«Хотя, может быть, сделанного из чистого золота» – подумалось парню, верящему сплетням об умопомрачительном богатстве патрона, который ел и спал на золоте/, находящегося у шефа.

Ответили тут же... Парень весь подобрался и, глядя

в трубку, будто заглядывая кому-то в глаза (или в рот), произнес:

– Шеф, тут такое дело... Я – Шухер, мы с Геной патрулировали район по наводке, что вы определили для нашей бригады, как бы предчувствуя, что здесь будет улов... Короче, это реально произошло... То есть сработало!!!

– Какой шухер? – выдохнула трубка... а потом взревела такими ругательствами, что парень, который ее держал, не только носом и ушами, а всем телом сначала покраснел, а потом и посинел. – Разговаривай нормально, придурок!

Но тут к облегчению Гена вырвал аппарат из его рук, хотя Шухер числился связным, и ответил сам:

– Шеф, мы с Александром Шуховым патрулировали район и наткнулись на нее... на девушку... Одним словом, красный, последний, пятый уровень излучения. Тут такое творится, вы не представляете!

– Так выпустите на нее зеркало!! – взорвалась опять трубка, но уже более спокойным басом.

– Боюсь, она проглотит любое зеркало.

– Тогда спалите ее ко всем чертям, пока она не переродилась... – зашипел недовольный голос, желающий побыстрее закончить разговор.

– В том-то и дело, – быстро сказал Гена, пока трубка не отключилась, – перерождения не было, она сразу взорвалась светом, и... и у нее в голове кристалл, я таких даже на картинках не видел. Он как... – и Гена показал руками, чтобы

выразить точнее свои ощущения, так как слов на описание не хватало. – Если ее так оставить, то через час примерно световая волна дойдет до электростанции здесь неподалеку, а через два – взрыв от нее достигнет атомной, которая в тридцати километрах отсюда... И будет у нас тут маленький Чернобыль. Но... этого не случится.

– Почему? – заинтересовался голос из трубки.

– Она прорвала купол... ваш купол. Тут везде молнии сверкают, бьют так, что и не подобраться. А это значит, еще минут пятнадцать, и ее свет затронет правительственный купол, а еще минут через двадцать ее забугорные запеленгуют... и тогда либо одни, либо вторые нас с землей сравняют... Все равно Чернобыль! Либо она успеет прорвать все заслоны и вырваться в космос, тогда к чертям атмосферу и метеориты нас добьют... а если метеориты не добьют, тогда...

– Гена, заткнись! – проорал голос и замолчал в задумчивости.

– Да, шеф... забыл сказать, мы посмотрели ее спектр и число волны... она в точности такая же, как у... у...

– У Левы... – ответил спокойно голос.

– Да! А как вы узнали? – вдруг вмешался Александр-Шухер, восхищаясь прозрением начальства.

– Вот оно и пришло... Время перемен... – грустно произнес сам себе голос.

– Если они встретятся, тут все равно такой взрыв будет, что Чернобыля не миновать... – подытожил Гена.

– Заткнись, идиот! Без тебя знаю... – и шеф повесил трубку.

И почти сразу началось несусветное...

Шухер стал различать крик, сначала тихий, потом громкий... звали его.

– Кто вы такие? Кто вы такие? Зачем вы? Шухер, какой взрыв? Саша, я не хочу взрыва!!! О чем вы говорите? Где вы? – кричала девчонка в розовой пижаме и в тапочках с заячьими ушами, медленно приближаясь, будто на зов, к машине ребят.

Парни, похолодев, переглянулись.

– Она нас слышала... – со страхом произнес Гена.

– Кто вы? Кто вы такие, Гена? Зачем взрыв? Я не хочу взрыва! Спасите меня! Мне так страшно... – плакала девчонка, но ее голос, будто шумовые вихри, набирая скорость на ходу, с уханьем долетал до машины, где притихли испуганные ребята, различавшие лишь чудовищный рев какого-то монстра.

– Она пробила наш купол! Она нас слышит! – вскрикнул Шухер, а Гена просто сглотнул, уставившись на несущейся на всей скорости столб, желающий поиграть и с их машиной в пинг-понг.

– Спасите меня... Спаси меня, Шура, – умоляла девушка, как вдруг из нее полыхнул мощный столб света, возвышаясь и расширяясь на метры вверх и в стороны, как и спрогнозировал парень...

В это же мгновение откуда-то сверху вылетели черные жужжащие точки, на ходу превращающиеся в вертолеты. Из них повалили люди с оружием, но оружие здесь было бесполезно, все это знали. Их присутствие объяснялось другим – охраной высокого молодого человека, который последним вышел из вертолета. Это был хорошо одетый парень со слегка усталым бледным лицом, его окружили люди с оружием и, иногда поддерживая под руки, стали подводить к светящейся девушке, переставшей плакать, просто замершей и все больше сверкающей.

Его подводили все ближе, будто подсчитывая метры, пока, наконец, она не заметила их присутствие и не обернулась... Понадобилась какая-то доля секунды, чтобы их взгляды встретились и свет от нее стал передаваться ему, словно по тонкому канатику, возникшему из воздуха. Это являлось сигналом – усталого молодого человека тут же отдернули и заволокли назад в вертолет, на ходу срывающийся в небо. Парень не сопротивлялся, так как потерял чувства. То же самое случилось и с девушкой, которая, упав на землю без сознания, все продолжала светиться...

Эту картину никто из жителей не видел, кроме двух ребят, тоже лежащих на земле, потому что их машину раскорячил, словно консервную банку, электрический столб. Столб рухнул, будто от сильной усталости, в тот момент, когда упала Кара. Смерчи и прочие погодные катаклизмы тут же потеря-

ли интерес к уничтожению этого места и расплылись в пространстве, оставляя после себя искореженную улицу и разрушенные здания, покрытые толстой коркой льда и гари.

ГЛАВА 4. ЗЕРКАЛО ПРОСНУЛОСЬ

Кара открыла глаза и не узнала место, где находится... Не дом и не больница: перед взором мелькали какие-то незнакомые фигуры, шушукаясь между собой. Тело было таким уставшим и странно неподвижным, что даже держать глаза открытыми являлось настоящей мукой, не слушаясь, они сладко слипались, но... Все это было неважно, ведь внутри, это чувствовалось отчетливо, пробудилось любопытство, тот безудержный кураж, который присутствовал у Кары до потери духа перед поступлением в институт. Поэтому, несмотря на странную усталость, после паузы глаза все равно хотелось открывать и смотреть, смотреть широко во все стороны... Пропали апатия и скука... и... Кара припомнила последние события своей жизни и, резко пристав с кровати, хотя минуту назад не могла поднять даже рук, поняла, что отчаяние и страх тоже пропали.

– Добавьте еще дозы, – взволнованно скомандовал темноволосый незнакомец, чье лицо все еще оставалось размытым. Он сидел у дальней стены, окруженный тремя женскими фигурами.

Кара обессиленно упала на постель, глаза автоматически закрылись, но сознание не потерялось. Разум бодрствовал и активничал, несмотря ни на стресс, ни на дозу, судя по все-

му, успокоительного, как выразился незнакомец, по команде которого из угла вышел человек в белом халате со шприцем в руке /все-таки больница/ и влил что-то в проводок капельницы, по которому потекла холодная водичка, ее Кара очень быстро почувствовала, тут же ощутив легкий приятный холодок, пробежавший по рукам, ногам, телу и голове... Голове особенно стало приятно и прохладно.

Говоря «незнакомец», Кара поправила себя, ведь голос ей как раз знаком, его она слышала, когда случился взрыв труб газа и воды после ужасного происшествия у нее дома... Глаза были закрыты, и картинки начали вставать в темноте подсознания, но... тут же стали таять – очень сильно заболела голова, словно на ней был надет металлический обруч, мешавший думать и вспоминать /наверное, сотрясение мозга/.

Хотя все равно она чувствовала себя другой: ни забытье, ни провалы памяти, ни обстановка больницы, ни уколы, ни странное окружение не могли сбить вернувшегося настроения, подстрекаемого любопытством.

– Что произошло? – спросила она, не открывая глаз, зная, что ее слышат. – Кто вы такие? И кто были те двое, Гена и Шухер? Почему змеи заползли в мой дом? Это я натворила тот кошмар на улице?

– Бог мой, какая любопытная! – засмеялся незнакомец, привстав, чтобы приблизиться.

Кара, подкопив силы, приоткрыла глаза: все расплыва-

лось, но одним лишь взмахом ресниц она ухватила образ собеседников: девушек она видела впервые, а вот мужчина показался ей знакомым: стройный, характерный, как тот... Или нет?

Собрав еще немного сил, Кара взглянула на него и даже через пелену поняла, что ошиблась. Тот, кого она видела / или воображала, что видела в тот ужасный день/, был молод, высок, красив, статен, с добрым и слегка усталым бледным лицом, как, наверное, у нее сейчас. Стоящий же перед ней был строен, но коренаст, с жестким, даже хищным, присущим восточным людям хитрым взглядом на загорелом, испещренном веселыми продольными морщинами пересмешника лице.

Показалось...

– Как тебя зовут? – спросил восточный незнакомец.

– Кара.

– Карина? – уточнил он, при этом кивая человеку в белом халате, стоявшему неподалеку. Неопределенного возраста мужчина с обычным незапоминающимся, на первый взгляд, лицом, слегка задумался, почесывая небольшую бородку. Но в его умных глазах, скрытых под толстым стеклом очков в роговой оправе, тут же блеснула догадка.

– В древности существовала ротация букв, звуков, потом, мигрируя и разделяясь, народы кодировали и смешивали их... – малопонятно начал изъясняться он, обращаясь к шефу, но, видя, что тот не понимает, решил объяснить по-

простому: «ка» у некоторых читается как «эс»... А «эс» – как «зэ» или «цэ»... «Ка-Са-Ца» – Ра: принцесСа – Света, – скучным голосом вывел мужчина в белом халате, и стало понятным его не медицинское, а, скорее, научное докторство.

– Нет, я просто Кара, – ответила девушка с закрытыми глазами.

– Ты ж моя принцесса! – вдруг подскочил восточный мужчина, хватая за руку Кару и ласково поглаживая ее. – Ты – мой алмаз! Бриллиант! Я так рад, что спас тебя! Ты не представляешь, в какой опасности находилась, но теперь все будет хорошо. – И он подал знак доктору, который отправился за новыми дозами снотворного или успокоительного. – Сейчас мы тебя немного подлечим, чтоб ты окончательно выздоровела, а потом, когда проснешься, сделаем тебе такую корону, что в самом деле будешь похожа на настоящую принцессу. А потом, может, станешь даже... – задумался он, погрузившись в мечты и планы. – А потом суп с котом...

Заулыбался шеф своим тайным мыслям, услышав позади недовольное цоканье девушек на слишком теплые слова к незнакомой девчонке.

Он достал из кармана пиджака темные очки и аккуратно надел их Каре, которая вдруг почувствовала смертельную сонливость, перекрывающую и любопытство, и страх перед неизвестностью, и прочие чувства.

– Я опасна для вас? – спросила Кара тонким засыпающим голоском, будто прочтя последние мысли спасителя.

– Все тебе расскажу, дорогая, как только ты поправишься, поверь, – тепло пообещал шеф, поглаживая персиковую щечку новой подопечной.

– А как вас зовут?

– Зови меня Александр Иванович, – просто ответил мужчина. И услышал сзади тихие, почти неслышные хихиканья, ибо хищный восточный облик шефа никак не вязался ни с Александром, ни с Иваном.

– Александр Иванович, – все не унималась Кара, уже почти сквозь сон обращаясь к спасителю: – у меня сегодня день рождения...

– Я знаю, принцесса, и подарю тебе самую красивую и дорогую корону, которую найду.

– Спасибо вам... – пролепетали бледнеющие губы хорошистки.

Как вдруг Александр Иванович вскрикнул и схватился за свой зад, одетый в дорогие брюки лучшей французской ткацкой мастерской, одевавшей и одевающей королей и президентов и тех, кто может себе это позволить.

Он нащупал там неожиданно вывалившийся отросток скелета, будто бы на пару позвонков стало больше. Потом вскрикнул еще раз – отросток стал расправляться, превращаясь в пушистый кошачий хвост.

Сзади уже не хихикали, а смеялись в голос. Мужчина сначала обернулся на смех, а потом, сообразив в чем дело, взглянул на Кару, которая шептала сквозь сон свои послед-

ние уплывающие мысли:

– Хитрый, как кот... убаюкал...

Девушки заливались смехом до слез.

– Немедленно уберите это! Кто дал слабинку моего личного купола? – зло прикрикнул шеф сразу же угомонившимся хохотуньям, завидевшим в почерневшем и посуровевшем взгляде патрона реальную угрозу. – Сейчас с вас быстро полетят ваши диадемы, и вы окажитесь с ней один на один...

– Шеф, это не мы... Она пробила купол, словно не видит наших преград...

ГЛАВА 5. ПРОШЛО СЕМЬ ЛЕТ

Кара лежала на кровати, утопая в бесчисленных подушках, душистых и мягких, тонкого хлопка белоснежного цвета, самой дорогой английской марки, со страусиным пухом внутри и золотыми вензелями сверху, и тоскливо разглядывала интерьер, который вот уже четыре месяца маячил перед глазами.

Интерьер семизвездочного отеля, одного из самых роскошных в мире, удивительным образом напоминал девушке обстановку ее тесной серой комнатки в родительской квартире на первом этаже грязного черноморского городка, безвозвратно покинутой семь лет назад. Тогда родичам, шокированным двумя ужасными извивающимися находками, распахнутой настежь двери и пропажей дочери, Александр Иванович уже к вечеру преподнес первую внушительную стипендию от какого-то известного столичного университета,

куда удачно поступила их талантливая дочь. Это компенсировало все вопросы и недопонимание со стороны семьи, при этом восстанавливая гордость за нее в их глазах.

Отель напоминал покинутую комнату не роскошью, конечно. Какая может быть схожесть между убожеством и шиком? Напоминал отчаянной грустью и тоской по чему-то неуловимому, потерянному, что в серых буднях хрущевки, что в люксовых стенах этой старинной королевской гостиницы... Сейчас, как и тогда, в тот злополучный день, когда магия вошла в ее жизнь, Кара чувствовала себя особенно одиноко и несчастно, не радовали ни подарки, ни роскошь, ни место. Ни-че-го. Потому что она забыла, зачем все это нужно, если мечты не сбываются? Да и какие у нее мечты?

После того как Александр Иванович спас ее от самой себя /так часто любил повторять он/, ее неконтролируемой силы, много воды утекло, и она стала другой: взрослой, умной, знающей, сильной, но не менее одинокой...

Чего только не пришлось познать и увидеть... В основном хорошее: шеф /так его называли все, кроме нее/ заменил ей отца, мать, семью, друзей, учителей – всех.

Просто с первого же дня взял ее под свою опеку, словно добрая фея /или фея/, задаривал дорогими подарками, угадывал любое тайное желание, спешил исполнить самый маленький каприз... Конечно же, не подвел с обещанной короной, которая до сих пор украшала, а точнее, сдерживала безудержную мечтательную голову Кары. Тот день она помни-

ла очень хорошо, такого подарка не делал ей никто и никогда – настоящая королевская корона, украшенная бриллиантами, исполненная специально для ее русой головки, в которой тогда пробудились интерес и надежды на будущее, удобренные благородным благодетельством заступника, посланного самими небесами.

Безусловно, Кара была благодарна и платила спасителю самоотверженной преданностью, работоспособностью, непритязательностью, терпимостью к суровому и требовательному, иногда своенравному характеру шефа, ведь уже через несколько дней после ее пробуждения Александр Иванович поведал страшную правду о том, что же на самом деле произошло с ней и что могло произойти, если бы его не оказалось рядом тогда.

На свете шла война, все телевизоры и радиоприемники планеты каждодневно трещали о борьбе, терроре, раздоре, о настоящих кровавых конфликтах, где с карты мира порой стирались целые страны вместе с народами...

Но это была не вся правда: велась другая, тайная война, и боролись уже не за деньги, ресурсы или религию, а за тотальное доминирование на планете. Многого Кара не понимала, многого, похоже, ей не дорассказывали, но смысл заключался в том, что шла борьба людей против иных существ, неких суперлюдей с невероятными, не человеческими возможностями, порой представляющими угрозу для всех и для них самих же. Никто точно не знал или не помнил, откуда

они произошли, лишь предполагали, что те являются потомками исчезнувшей цивилизации белых богов-царей, властвовавших до этого. Эти самые цари или боги не походили на современных людей, а состояли из чистых кристаллов, излучающих магический свет, преобразовывающий мир по их желанию, и могли воплотить и материализовать любой придуманный образ, предмет, явление... и даже миры и другие реальности. Но однажды произошло нечто ужасное, может быть, катастрофа, катаклизм, война, о которых не помнит оставшееся в живых человечество, одичавшее до сегодняшнего состояния, утратившее способность материализовывать свои желания... И не помнит и не знает, почему на земле, которую покинули боги, продолжают рождаться те, кому подвластны время и реальность, пусть даже не в той мере, как их прародителям.

В конце концов, ничтожество одних породило зависть к величию других, и началась тайная война якобы со злыми магами и ведьмами, колдунами и феями, а на самом же деле шло выкорчевывание и истребление последних корней царской /овладевшей энергией «ци» – высшей степенью психической энергии/ божественной расы землян...

Но тут возникла проблема: чем больше их убивали, мучали, сжигали на кострах, топили, тем чаще они возрождались, особенно там, где этого никто не ждал – в самых темных, никудышных, потерянных уголках земли... И тогда стоявшие у власти осознали, что эти существа – не помеха для людей,

а инструмент. Инструмент к большому величию, обретению всех доступных благ, к бессмертию наконец, к обширной, беспредельной, исключительной власти даже при отсутствии божественных качеств... Кроме того, сами зеркала, являясь благородными и светлыми людьми по сути, не стремились к властвованию, их не интересовали войны и дележка, что было на руку владыкам того времени.

Осведомленные властные группы наловчились различать волшебных существ среди обычных людей, изучили их особенности, научились контактировать с ними, наконец, приспособились манипулировать ими в своих интересах.

Известно, что зеркальные способности /умение материализовывать видимое или воображаемое, то есть отражать все это/ просыпаются лишь у девочек, достигших семнадцати лет, обычно это сироты или дети с трудным началом жизни... Сердце будущего зеркала томится от несправедливости, тоски, боли, и по какой-то причине это является катализатором, от которого оно просыпается, превращаясь в светящийся кристалл, чтобы преобразовать мир вокруг, улучшить его, начиная со своей судьбы...

Но от избытка чувств, в основном трагических, первое, что случается с ними, это катастрофы, ими же и порождаемые, в которых часто гибнут невинные... Что и произошло в случае Кары: фото разрушенного района показал ей Александр Иванович после пробуждения, это подтвердили свидетели, те самые Шухер и Гена, чуть не раздавленные своим

раскоряченным автомобилем.

Но это еще не все опасности. С тех самых пор, как человечество, еле толкаемое собственной эволюцией, движимое в основном алчностью, завистью, неполноценностью, распознало возможности использования сверхчеловеческих сил в своих целях, разделилось в борьбе за власть, надстроив над собой особые охранные купола из психической энергии своих зеркальных марионеток. И в стремлении завладеть бесконечной властью, а также всеми благами, несущими волшебными существами, не желая делиться, крупные стали поглощать мелких, захватывая их ресурсы, купола, зеркала... Чтобы однажды столкнуться один на один.

Александр Иванович узнал о суперсуществах будучи простым студентом, подрабатывающим летом в колхозе, когда однажды столкнулся с таким магом, точнее с летающей девушкой, собиравшей яблоки с дерева в полете. Она приехала на практику в деревню и, не зная, что видима, решила поразмяться, полетать.

Девушка могла бы лишь одним щелчком стереть память парню, но не стала, ей очень понравился загорелый молодой человек с хищным профилем и черным кошачьим хитрым взором. Именно она рассказала о том, кем является, а также о своих догадках, что за ней охотятся, и попросила помощи и поддержки.

Догадки со временем подтвердились. Над землей раскидывалось множество разных невидимых куполов, одни бы-

ли совсем небольшие: накрывался отдельный человек, и тогда он находился точно в коконе или, как в сказке, – в плаще-невидимке /так многие зеркала оставались незримыми/. Порой таким образом защищали целый дом или район, /иногда без спроса людей, проживающих на территории/, и туда не могли проникнуть те, кого не ждали, кто являлся чужим этой психической сфере. Люди, приближаясь, будто бы забывали, что желали войти и, теряя интерес, проходили мимо, не видя дома и объекты в куполе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.